

Октябрь. Апоптоз / рассказ

Category: Hekayalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Октябрь. Апоптоз / рассказ ОКТЯБРЬ. АПОПТОЗ

1.

На прибывающий поезд посадки нет. Пожалуйста, отойдите от края платформы. Нет.

Пятый ряд по проходу. Красная спинка пластмассового кресла. Ноги подтянуты к подбородку. Руки обнимают колени. Если Леан улыбнется, будет замечен неровный прикус зубов. Но она не улыбнется. Теперь – от смеха больно. Леан наблюдает: вибрация энергий приезжающих и отъезжающих пассажиров. Но прохожие смотрят сквозь нее пустыми глазницами. Волосы Леан – цвета осеннего клена, объемные, непослушные. Веснушки на лице. Шарф – широкий, до кончика носа и, если обернуться как следует, согревает в морозы. Ржаво-оранжевая парка истерлась, выгорела до приглушенно-медного, свернута калачиком рядом, сиротливо. Самодельная вязанная шапочка свешивает кисточки к полу. Из открытого рта рюкзака высовывается детский ланч-бокс, на крышке – бело-розовая Kitty.

В шесть ровно в мозгу взрывался невидимый будильник, и Леан выбрасывало из сна в мучительно-серый восход. Каждое утро. Бессонница обернула тугим обручем голову Леан, сковала тело коконом ломкой, ноющей боли.

Потому что Александр. Потому что Инга. «Потому что» растут и множатся, прорастают в меня корнями векового дерева. Ничто не помогает. Пожалуйста, отойдите от края платформы. Да.

2.

Октябрь. Дым жженой листвы. Кофе с корицей. Александр. В утренние часы уличная терраса на три стола пустовала. Дошлатый пол поскрипывал под ногами, доски выглядели ветхими и

непрочными. Александр бродил пальцами по столу, что-то вертел. Брал Леан за руку. Тяжелые движения, твердые шаги и рано начавшие вылезать волосы. Хмурился, узкие очки на переносице. Пересказ новостей. О работе – конечно. Информационные технологии – если бы она что-то понимала. Но кивала. Им следует летом уехать из. Уехать из – ей давно хотелось. Кивнула. К берегам Средиземноморья. Кивнула.

Он прежде часто переезжал. Военный в отставке, к сорока – пенсия, теперь – небольшой бизнес. Ну, как – на жизнь хватает. И на билеты до моря. В его прошлом – двадцать лет брака, двое детей и развод; сказал, после сорока многие разводятся, потому что в двадцать неудачно женятся. И – очередной переезд, или перелет сложно-запутанными траекториями: Петербург-Москва-Самара-Петерб... Человек, вышедший на нее из колыбели ветреного Питера. Он заметил Леан на веранде, ее голос, заказывающий вспененный латте.

Ударение на «а», ты не знала?

Она черкала в блокноте, подняла на мужчину голову. Он поправил на носу очки.

Нет, меня не учили правильному произношению, ничему не учили. Мы читали с бабушкой сказки и пили чай на крыше. Я представляла, что крыша – сказочный чердак, с которого можно улететь. В портал новой реальности. Я учусь рисовать. А ты зануда.

Леан повернула к нему листы с набросками. С веранды вид красивый – плесневый кирпич, изодранная штукатурка низеньких, накренившихся домиков и душных тупичков. Там, в переулках – Подколокольный, Старосадский, Подкопаевский, столько смешных названий, она уж не вспомнит. Ему понравились картинки, эти потекшие и смешавшиеся в радуге акварельки, обведенные черным маркером контуры. Он повертел в руках, приблизил к лицу и потрогал бумагу – шершавилась. Хотя в сырой осени и грязных дворах он не находил ничего привлекательного, да и в рисовании

– если бы он что-то понимал. Но они друг другу понравились. И тем страннее сей факт, потому как Александр уж более не намеревался заводить серьезных отношений, а Леан уверилась в неспособности находить с людьми общего языка. Почему-то с ним оказалось легко. Почему-то он ее выслушал. Почему-то она рассказала: о той одиноко сидевшей рыжей девочке за последней партой, об уборке Ашановских туалетов в шестнадцать вместо дня рождения, о ранней смерти матери, нет, отца она не помнит. Сирота. Почти.

Потом начался листопад. Апоптоз – он ей сказал. Генетически запрограммированная смерть. Конечно, они не уехали из. Не успели. Теперь «апоптоз» всплывает в ее памяти каждую осень, и Леан крутится кошкой за собственным хвостом, пытаясь дотянуться, распутать головоломку, причину спланированного природой увядания. Леан, начитавшаяся эзотерической литературы – читала она тщательно, с карандашными пометками на полях, – верит вечности душ, в бессрочное и безвременное. Они с Александром снова встретятся. Вселенские законы, которые для нее истины. Остались памятные вещицы – кольцо, из платины, уже соскакивает с пальца, и любимый кашемировый свитер. Слишком зеленый, как будто вот-вот окрасит. Ей идет цвет сочной листвы.

3.

Инга – этим именем можно гвозди вбивать – жалуется Леан на будничные салаты помидоров, огурцов, авокадо. А еще латук, сельдерей, витиеватая на произношение и внешность зелень. Ингу учили правильно выговаривать и дали правильное образование. МГУ – по-московски выверено.

Только Инга такая тупая.

Инга крошит в миску поджаренные гренки, посыпает густым слоем пармезана. Она говорит, бри. Смешивает с овощами креветки, младенчески-розовые внутренности раковин, нежные моллюски. Но ей надоедает домашняя рутина и, в тоске преодолевая череду

нескончаемых дней-близнецов, Инга шагает бездумно вдоль изобилия витрин гипермаркета, не глядя сваливая в тележку броские упаковки, пачки твердого, пакеты сыпучего, сосуды вязкого, коробки хрупкого. По утрам Инга предпочитает гранолу. Она говорит, пеканы. Она говорит, маракуйя. Это для тонуса кожи. Инга глотает капсулы, которые называет витаминами, мейд ин ю-эс-эй.

– Что такое пеканы, Инга?

Инга морщит носик, маленький, плюшечкой, на нем прыщик, замазан тональником; тональником ценой в пять тысяч.

Мозг Инги не только формой, но и размером походит на плод пекана.

– Пекан похож на мозг?

Инга показалась Леан женщиной лет сорока. Но их возрастная разница составляет ровно год и неделю. Инге тридцать пять. Она говорит, ей знакомо одиночество. Неумелое сочувствие. Или – издевательское. Инга – соучастница многолетнего брака, увязшая в показательно идеальных отношениях – подчеркивает, повторяет дважды или трижды, она-то с мужем счастлива. Не то что.

– Все мужчины уходят. От одной жены ушел – от другой тоже уйдет, – подытоживает, она-то в людях разбирается, ей давно все про всех ясно. – А вот мой муж... – на «муже» взлетает ввысь голос, – влюбился меня с первого взгляда. Не хотел меня на работу отпускать – переживает, не случится ли что. Он меня так любит, так... до дрожи потерять боится, представляешь? Уж все мне завидуют. Никому сказать ничего нельзя – завидуют, смотрят злобно. Мне что же, молчать теперь? Это другие ныть привыкли. Не то что.

– Он умер.

– Ой, – повисла пауза, – ну, – пауза висела и висела, мучительно и долго.

И тут Инга открывает рот, вываливая вопросы гнилыми ошметками – что случилось. С Александром что случилось. Разве в таком возрасте может что-то случиться.

Иногда люди уходят без предупреждений. Посреди жизни – сегодня есть, завтра – нет. Человек не просыпается. Не открывает глаз. Не дышит. Сорок девять – какая старость, не выдумывай.

Инге кажется, после сорока жизнь заканчивается; она панически боится стареть, колет ботокс, вечная клиентка косметологических салонов.

– Сочувствую. Встретишь нового, – выдыхает и хлопает глазами – большими, слегка навывкате, – в который раз уточняя, что она замужем. Счастлива. Вдруг кто-то забыл. – У нас вон у соседки тоже муж умер, и ничего, ходит, улыбается.

Инга говорит, живи дальше. Говорит, незаменимых нет. Кидаёт безучастно, будто со столбом разговаривает, и кривит накрашенный рот. Лучше бы ты – Инга-га – сдохла, га...

4.

Ничего не помога...

Леан подтягивает рюкзак, закрывая его разъехавшийся рот. Полая, полегчавшая Kitty. Листы. Статьи. Переводы. Слова. Работа. Надо сдать. Получить деньги. Но когда она с улицы стучится в офисы, когда без образования – часто платят меньше обещанного. Если вообще на работу берут. Леан соглашается – заплатите уж сколько; есть по-прежнему хочется. Потом – к Инге, другая работа, только устроилась. Работ много, а денег нет.

Не хочу. Встречаться с Ингой – не хочу. Воротит. Но завтра – снова буду на месте. На вокзале. И послезавтра. И – всегда. Жду, когда ты вернешься, А.

Леан не знает, куда уходят души после смерти, но возвращаются они наверняка поездом. Невским экспрессом. Она огибает вокзал, змейки перронов и змейки составов, у крайнего пути тарыхтит страшная ржаво-зеленая морда локомотива.

Измученное лицо паровоза. Нужно его погладить, и он перестанет

быть таким несчастным.

Лимит пропусков через турникет закончен. Леан проскальзывает в метро за нерасторопным толстяком. Женщина из будки кричит – «неужели не можешь заработать, и не стыдно же».

В голове воображаемый список продуктов с пометками срочное и безотлагательное, что по сути одно и то же. С решением сократить перечень пунктов до минимума и вместить максимум в пять сотен, но гипотетическое меню выходит чересчур кратким. Удалять из него нечего. Как выбирать между хлебом и водой. Аптека. Анальгетик. Дорого. Но боль бывает нестерпима, и Леан теряет от боли сознание. Инга говорит, она бы вытерпела, потому что – «вон у соседки тоже также, и ничего».

Леан, ослабевшая, но в совершенном сознании, продирается наперекор толпе – перепутала потоки очередей на эскалаторы. Подъемы и спуски. Длинные переходы на Комсомольской: что по улице, что под землей – все равно не там оказываешься, словно роющий траншею слепой крот. Тошнит. Она присаживается, обтирает подолом парки скамью, пропускает поезда; поезда на смежных линиях особенно прожорливы, питаются людьми, перемалывая их меж перегонами станций, и демонически грохочут. Леан уставилась в кафель белой стены, подкрашенной желтыми огнями подземки. Неподвижно-застывшая. Больно думать. Трогает свои руки, пытаюсь узнать себя.

Погладь несчастный паровоз.

5.

Октябрь. Рассеянный солнечный свет лился в окна, рассыпая кружевной узор, плетение на веранде той крошечной кофейни. Капучино, сахар, молоко. Три ложки сахара с горкой. Александр. Склонился. Хрупкое, ускользящее тепло, предчувствие потери. Легкое соприкосновение, щека к щеке – прижалась. Не уходи.

Октябрь. Не тот. Но запах корицы?

На краю сознания плещутся мысли. Корица – цепляется память за

специю, посыпая приправой дорожку к прошлому; Леан доставала горячий противень со сдобными блестящими булочками. Леан смеялась. Александр занял кухню, занял собой все пространство, его так много, и вещи фейерверком вокруг, бардак. Леан улыбается, плачет. Сражается с двойственностью желания прекратить и продолжить изводить себя воспоминаниями.

Мнимые фотокарточки – мое воображение. Я и сейчас, сквозь гул поезда и пот толпы, улавливаю пряный аромат сдобы и сухих трав той осени.

Съезжая в тот год от – с кольцом на пальце, в зеленом свитере – Леан вернулась к бабушке, в квартирку – не далеко и не близко – в получасе езды от Ленинградского. Там – пятиэтажка, красный кирпич, крыша треугольником (у бабушки когда-то ключи от крыши хранились, работала в ЖЭКе), две комнатки на верхнем этаже с видом на станцию.

Ба лет за девяносто тогда перевалило – возраст, в котором начинаешь сбиваться в летоисчислении. Сколько себя Леан помнила, Ба уже была старой-старой, а еще тонкой, невесомой. Серебристая пыль на ее голове, ссохшееся тело в хрустящей ткани домашнего халата. Ба забывала о линейности времени и разговаривала сама с собой. Тихонько сидела, покачиваясь, глядя на мелькавшие макушки поездов за деревьями, словно тоскуя по чему-то невиданному. Походила на человека, спавшего с открытыми глазами. Радужка глаз была подкрашена коричневатозолотистым, цвет разбавленного чая. Чая, которого они больше не пили на крыше. Ба тоже никогда не уезжала из.

Дома ряды книг, много-много, по стенам полки – дед-ремесленник еще сколачивал – до потолка, и целой жизни не хватит разобраться в этом кладбище слов. Обтрепавшиеся книги, с заломами на страницах умалчивали тысячи историй, и пыль кружилась. Поздними глухими вечерами, возвращаясь с подработок (работала Леан тяжело, спала плохо, едва выбираясь из опоясывающей скорлупы бессонницы в просветы ясно-морозного сознания), Леан проветривала квартиру, настесь распахивая

окна. В свободные дни собирала нехитрый завтрак, пока Ба просиживала на табуретке, то держа переплет вверх ногами, то рассматривая почти слепыми глазами надорвавшийся книжный корешок. Ба говорила, совсем не видит. Говорила, буквы слипаются в гусенички. После еды Леан читала ей вслух, расправляя гусеничек в бабочек.

Родителей Леан не помнила, мать – умерла молодой, отец же создал новую семью и создал нового ребенка. Леан забыла лицо отца. Не узнает теперь на улице. Фотографий не осталось, хотя она все шкафы вверх дном перевернула. Шкафы на ушах стояли. Соседка донесла, мол, у Леан сестра есть, почти двойник – такая же оранжевая и в крапинках, как морковь.

Интересно, вторая морковь вышла счастливее первой? Первая-то морковь комом.

Но вот Леан открывает дверь в квартиру – никого. Возвращаться не к кому. Дважды в году она относит бабушке цветы на могилку. Ба ушла следом за.

6.

Работу приняли, денег так и не дали. Через неделю зайди. Тьфу. Разменяла единственную купюру. Истратила.

Разделительная черта на платформе – на границе и на грани. Свет фар мчащегося поезда, сигнальный гудок, свист. Посадки нет. А на поверхности, на улицах, дворник сгребает в кучи охапки палой листвы. Апоптоз. Октябрь. Год другой. Подъезжает переполненный состав – толпа вбивает Леан в вагон. Леан продолжает жить.

Неприятно прижиматься в метро к незнакомцам. И я не хочу знакомиться, чтобы прижиматься к уже знакомцам. Ты мне не нравишься. Отойди. Мне надо дождаться правильный Невский экспресс. Как выглядит правильный? Не знаю, но увижу – пойму, и если погладить лицо того одинокого паровоза...

Александр шел по перрону. Леан – провожала до купе. Поезд отправлялся. Он прикладывал ладонь к стеклу изнутри вагона, она – снаружи. Они склеивали руки через прозрачное препятствие, но не чувствовали преграды. Скоро вернусь. Пара дней. Туда и обратно. Не вернулся. Его привезли. И теперь Леан ходит по платформам, разглядывает застывшие на конечных путях, где тупики обрывающихся рельс, длинные зеленые, синие и красные составы-змейки, протягивает руку, ищет Александра, но – в окнах чужие лица, взмахи чужих рук. Александра – нет. Леан верит, что где-то там, за горизонтом жизни они встретятся. Но ведь так нельзя. Этого не может быть, чтоб все были, а его нет... Только на дверях метрополитена написано «выхода нет».

7.

Инга. С девяти до семнадцати в будние дни просиживает в просторном кабинете, звонит по телефону, разбирает корреспонденцию, готовит шефу кофе и выполняет пустяковые поручения. На работу устроилась, потому что дома скучно, а так, говорит, муж ее любит – сколько-то сотен раз она повторяла «любит» – и обеспечивает, занимает должность главного редактора в модном журнале, начитанный, грамотный. Совершенный муж в этой помойке несовершенств. Инга подала документы в вуз, планируя получить следующую неуместную профессию какого-то там управленца чего-то там – тарам-парам.

Инга и Леан сталкиваются вечерами на верхних этажах бизнес-центра на Краснопресненской. Чередуются, как солнце и луна. Два постовых на пересменке. Стекло волнисто отражается в Москва-реке, а набережная пятнистыми лампами фонарей отражается в стекле. Внутри стекла – люди в черных костюмах и очках в черной оправе. Офис на верхних этажах арендуют американцы.

Инга спрашивает, правда ли меня зовут Леан. Нет, не Лена. Я не переставляла буквы в имени. Ясно? Инге не ясно. Протягиваю паспорт. Фамилия и отчество там – русские. По-дурацки, насмешливо-русские.

Инга пожимает плечами, хмыкает, возвращает документы.

Леан стаскивает потрепанную полуспортивную куртку. Инга надевает брендовое пальто цвета снежного неба. Инга достает из шкафа лакированные сапоги, сменяя изящные брендовые туфли. Сапоги блестят в свете ярких ламп. У них длинная острая шпилька.

У меня нет лакированных туфель. Никаких нет. У меня ничего нет, потому что у Инги есть все. Закон равновесия. Мы держим баланс во вселенной, и космос смеется сквозь небо над нами, глядя, как Инга захлебывается в множественных оргазмах, потому что – «Лена, я же не виновата, что мне так повезло».

Обнаглевшая Инга округляет напмаженный рот.

– Не затыкай меня, Лена. Что, мне молчать только потому, что у тебя муж умер?

Удаляется с сигаретой и чашкой эспresso в прохладный сумрак открытой галереи. Ее черная грива колышется на слабом ветерке, а рот выпускает дым. Инга, чуть запрокинув голову, подносит к губам чашечку, закрывает глаза. Леан врывается в галерею и выбивает из рук Инги чашку. Едкий мазут кофе плескается на белую блузку Инги, кружка – крошится о пол.

Леан. Леан. Леан. Запомни, блядь.

В ушах Леан все еще стоит звон расколовшейся чашки. Инга выпучивает глаза. Собирается закричать, но зрителей нет, потому стоит, окаменевшая, и лишь сигарета тлеет оранжевым угольком меж пальцев.

– Я этого так не оставлю! Здесь есть камеры! Я расскажу Маркусу!

– Пошла ты.

– Считай это увольнением!

Представь, как Инга оргазмирует тем редким типом оргазма, который почти ни одна, совсем ни одна женщина не испытывает – «мне повезло, Лена, не молчать же». Молчи, блядь.

Несмелые лучи утреннего солнца сквозь ломкий орнамент деревьев обнимают Леан. Она пробирается по усыпанным многолетней – умершей – листвой незаметным тропинкам. Покосившиеся оградки, влезшие в землю надгробия. Александр наблюдает – она знает, чувствует его невидимый взгляд. Леан перечисляет имена на встречаемых могильных плитах и разговаривает вслух. Ей кажется, Александр отвечает. Леан слышит его голос. Она слышит голос.

Алекс, я ее чуть не убила. Надо было, да? Сбросить с галереи. Столкнуть вниз. Она бы разбилась насмерть, и ее мозги бы соскребали с асфальта.

Октябрь. Апоптоз. Осеннее обострение. Вокзал. Топчутся пассажиры у билетных касс, спит табло с расписанием поездов дальнего следования. У перронов застывшие на старте составы. Бледное лицо Леан – ее отражение – плывет в окнах вагонов. Хроники одного бродяги; на площади трех вокзалов много бродяг. И на втором этаже, в зале ожидания, среди других заблудившихся живых и покойных душ Леан жует бутерброд и смотрит в панорамное окно, как просыпается город.

Я вижу твой силуэт среди хаоса спешащих прохожих. Забери меня отсюда, А.

10.

Новый день, и Леан перенимает рабочую эстафету. Инга делает вид, что не помнит о вчерашнем инциденте. Почта, звонки, интернет. После двадцати ноль-ноль – поздние посетители. Они неторопливы и меланхоличны, словно боятся нарушить сонную тишину вечернего сумрака. Беззвучные приветствия, незаметные улыбки, кивки и жесты. Отражения фигур в длинном окне. Внизу загораются огни города, как светляки. Кофе-машина: заправка зерен, помывка, выбор меню. Леан моет чашки и раскладывает салфетки. Клиенты. Кофе. Печенье – круглое, сахарное, оно рассыпается с легким хрустом и тает во рту. Леан больше не нужно искать еду, оставленную на фуд-кортах торговых кварталов

– аванс стукнулся на карточку, потревожив новый мобильник; на столах тогда было для нее много нетронутых гамбургеров и картошки-фри – Леан никому не рассказывала.

Вечер, 22.22. Леан ищет знаки, которые привели бы ее к нужному Невскому экспрессу. Закрывает глаз монитор, затихает гул компьютера. Леан щелкает по выключателю, гаснут потолочные лампы, и тут добрым приведением входит Маркус. Управляющий. По-русски изъясняется с сильным акцентом. Леан напомнила ему о дочери, затерявшейся в лабиринтных металлоконструкциях Чикаго. Он не напомнил Леан ни о ком.

Маркус в худи, на голове плотная шапочка, на ней флюоресцируют буквы dress to kill (1), в руках – полулитровый стакан кока-колы из Макдоналдса. Они сталкиваются в дверях. Хай.

– Не спится.

Он живет на Беговой, по утрам обыкновенно топают пешком до офиса – пять километров. Спортивная ходьба. Следит за здоровьем. Не курит и все такое прочее. Крепкий, подтянутый. А ночная Москва – красивая, он говорит. Они так и стоят в темноте, а где-то внизу, по набережной, носятся автомобили. Привет.

– Леан, вы знаете, кока была изобретена как лекарство от головной боли?

– Потому что содержит кофеин?

– Кокаин.

Маркус проходит в черное лоно офиса и опускается в не менее черное кресло и принимается вычерчивать на смеси английского и русского дорожки чикагского лабиринта – про жизнь, оставленную на другом материке, семью и сбежавшую дочь. Очень тихо, и Леан прислушивается к дыханию Маркуса. Его сбивчивый голос. Нет, у его дочери не красные волосы. Они не называли ее морковкой. Как – помидорка? Нет, тыковка. Морковка – это тоже ласковое прозвище? Он смеется, но смех его обрывается. Леан не видит, как в черноте полуночных теней его лицо искажает боль. Прошу прощения. Он потирает виски и прихлебывает колу.

– Она жива?

– Моя дочь? Жива. Ты бежишь от родителей, а дети бегут от тебя. Я вырос в Неваде. На ферме. У нас были коровы. Много коров. В двадцать уехал в большой город. Окончил университет. Отец просил навещать его. У меня не было времени. Вскоре у отца умерли коровы на ферме. Внезапно. В вентиляцию попало... забыл это слово... забило вентиляцию, и коровы задохнулись. Все коровы. У меня не было времени приехать. Он трет виски и вытягивает колу из соломинки, сдвигает брови, над чем-то сосредоточенно думает.

– Ка-кашки!.. Штука, которая забила вентиляцию. Ка-кашки.

– Говно.

Это одиночество, сдирающее кожу. Одиночество, погребавшее заживо. У меня не осталось ничего, кроме вокзала и коробки Kitty. Знали бы люди, крепко спящие по ту сторону полуночи, фредди-крюгеровских-найтмэр(2), сколько таких леан тихо сидят по норкам, прячутся, не выживая и не справляясь.

Леан приезжала потом, в его – Александра – квартирку, в спальных районах Юго-Западной. Его младший сын первым рейсом из Петербурга. Светлые тонкие волосы прятал под бейсболкой. Щурился. Леан не хотела запоминать лица молодого Александра – отвернулась. Мать скоро приедет, сказал он, потому что. А ты тут никто, потому что. Ну, так вышло. В сорок девять умирать никто не собирается. Леан собрала свои вещи, а молодой человек скользил по ней оценивающим взглядом, безмолвно давая понять, скорее бы она убралась с этой – его – жилплощади. Теперь огромная пустота вместо сердца.

Потом Леан ему, Маркусу, все вываливает – чертит на смеси русского и английского дорожки московского лабиринта. Разумеется, Москва – красивая. Маркус качает головой и улыбается, периодически вытягивая губы и захватывая ими соломинку. Может, не понимает всех слов.

– Вы же видели записи с камеры.

Или наоборот – все понимает.

- Леан, хотите коки?
- Ладно. Давайте колу.

Темнота, и два силуэта у окна. Они пьют кока-колу из одного стакана, но из разных соломинок. Кто-то на столе, в карандашнице, заботливо оставил так вовремя пригодившиеся трубочки.

11.

Маркус, пожалуй, мне лучше. Гуляю в парке. Питаюсь – достаточно. Психотерапевт говорит, положительная динамика.

Леан является в офис немного уставшая, с покалывающей головой, как после перенесенного гриппа, но с ощущением внутренней легкости. Не другой октябрь морозит щеки. Шея Леан обмотана широким шарфом, закрывающим лицо до самого кончика носа. Там же, на открытой галерее, новенькая сотрудница пьет кофе.

А я иду, в другом октябре, осень и осень, и летит листва без остановки. Человека нет. Его нет уже целую вечность, и порой кажется, не было никогда. А я смотрю и смотрю на железнодорожные составы, провожу пальцами по пыльной стороне их окон. Рейсы, на которые посадок нет. Пока нет. Вот так, бежишь-бежишь, выдуманный кем-то человечек, преодолеваешь препятствия, и – затемнение, свет гаснет, спектакль заканчивается – гейм овер.

Или: конец игры – начало. Локомотив оскалит улыбку-решетку и посмотрит большими глазами-окнами, готовясь к дальнему путешествию. Объявят посадку на поезд, и проводники будут стоять у дверей вагонов, проверять билеты и желать счастливого пути.

Леан, не могли бы вы съездить в? Это значит – уехать из. Конечно, Маркус.

Она возьмет билет на Невский экспресс, и это будет правильный поезд. А потом спросит его, не хочет ли он выпить коки. Может

быть, латте, ударение на «а». Маркус улыбнется. Леан покажет ему новые наброски, которые будет черкать в блокноте. Она учится рисовать.

2016.

(1) Dress to kill – дословно: убийственно одет; модный, разодетый в пух и прах.

(2) Найтмэр – nightmare – кошмар.

Об авторе: МИЯ МИУРСКАЯ

Прозаик. Родилась в 1982 году, в Москве, по образованию журналист. Neкаýalar